
Выступление на диспуте. Оценка диссертации К. Флерова.

Александр Федорович Котс

Четвероякие мотивы выступления.

Оценка диссертации К. Флерова четвероякого аспекта: Основной идеи, Метода, фактического содержания и оформления внутренней структуры и иллюстративной части.)

Оговорка относительно названия работы.

I. С точки зрения трех основных разделов Дарвинизма (Доказательств факторов и направлений эволюции) — Недоговоренность по второй проблеме (роли эндогенных-экзогенных факторов) и нерешенность основной антиномии: индивидуальная лабильность формы и строения рогов у современного оленя и стабильность как систематического признака. Проблема филогенеза-позитивные моменты в трактовании ее в рассматриваемой работе.

II. **О методике работы.** Предпосылки для ее успешности: объединение в одном лице музейного работника и наблюдателя-полевика- натуралиста. — Сочетание subtilных фактов с широтой идеи.

III. Фактическое содержание: непревзойденность точных описаний и живых оригинальных очерков по экологии и географии.

IV. О структуре, внутренней архитектонике и внешнем оформлении работы. Ряд возможных возражений или замечаний с точки зрения:

- a. Полезности суммарно-обобщенных очерков строения и повадок популяций родового или видового ранга (сводных описаний для сочленов целого семейства, подсемейства, рода или вида) — вместо подлинно монографического очерка для представителя определенной расы (оперирование с «абстрактными комплексами признаков», а не конкретными носителями их — подвидами и расами)
- b. Неравномерность описаний и анализа отдельных форм даже в пределах представителей отечественной фауны (напр. «Марала» и «Изюбря»).
- c. Излишняя — быть может обстоятельность при составлении определительных таблиц по «внешним признакам» общеизвестных современных представителей оленей.

С точки зрения редакционной обработки

a. Невыдержанность обозначения отдельных рубрик описаний близких по характеру и назначению, по названным различно в I-вой и II-ой части работы:

«История изменчивости и Специализация» — «Специализация и история» (в первой части) и «Адаптивные признаки» — во второй части. Желательность унификации обозначения этих рубрик по всему труду.

b. моменты элементаризма в некоторых (начальных) описаниях (процесса смены рогов, их отличия от полорогих)

c. **По линии иллюстративной**

Слеповатость некоторых карт (81, 82) и основной упрек или вернее — основное пожелание: более яркое и эффективное использование **уникального в истории всей Палеонтологии счастливейшего сочетания а одном лице.**

Ученого-Палеонтолога и иллюстратора-художника-анималиста выдающегося ранга.

Неоправданность изображений целостных животных — (в том числе общеизвестных, как Косуля, Лань, Лось, Северный олень..) в трактовке хорошо оправданной для популярных книг или учебников по Зоологии но не в научной специальной монографии.

Тем большая уместность, даже крайняя желательность замены этих иллюстраций (представляющих животных в разных позах и различных поворота) — сходными по технике (или быть, может еще более контурно-лаконичными) но представляющими те же самые объекты (и в особенности близкие подвиды или расы!) — в совершенно сходных поворотах и аналогичных позах по примеру или образцу анатомических рисунков (черепов) той же работы, выполненных мастерски ее же автором.

В основу этого «сериального» изготовления и расположения рисунков полагается принцип, давно и с исключительным успехом применяемой в экспонатуре **Дарвиновского Музея**, там, где требуется максимально эффективно показать изменчивость размера, формы и окраски близко родственных животных, разных рас лисицы или волка и которые при монтировке в разных позах — только отвлекают этим их разнообразием от подлежащих изучению и сравнению признаков:

Нет ни малейшего сомнения, что изображенные «сериально» те же самые объекты (головы, фигуры целостных животных, черепа) помогут несравненно лучше, совершенно использовать присущий автору рассматриваемой работы **абсолютный** глаз художника-натуралиста, уникальный дар полевика-зоолога-музейца — и палеонтолога и его книгу, — уникальный дар для мировой науки.

Выступая с этой кафедры я руководствуюсь тремя, вернее, четырьмя мотивами.

Как основатель и директор **Дарвиновского Музея**, я не мог пройти мимо работы, представляющей собою образец дарвинистического рассуждения.

Как сторонник творческого сочетания науки и искусства, я считаю невозможным обойти молчанием труд, пронизанный этим синтезом.

Как старый музеолог я хотел бы указать на данной именно работе, как несоблюдение новейших музеологических приемов может негативно отразиться на трактовке и на оформлении чисто научных тем и книжных иллюстраций.

К приведенным доводам невольно, присоединяется еще один.

Свидетель долгого труда и творчества сегодняшнего диссертанта Константина Константиновича **Флерова**, я почитаю своим долгом выступить открыто с обращенными к нему словами восхищения, признания, сомнения и раздумья.

Обсуждаемую диссертацию я разберу с четвероякого аспекта:

1. С точки зрения руководящей основной идеи — **Дарвинизма**.
2. В отношении **методики** работы
3. С точки зрения ее **фактического** содержания
4. В отношении **структуры**, внутренней архитектоники и оформления работы.

Но сначала — небольшая оговорка, вызываемая удивлением, недоумением в отношении **названия** работы.

И действительно. Зачем — так хочется спросить ее глубокоуважаемого автора — зачем назвали Вы Вашу работу так несоразмерно скромно, робко, скудно, как «**Монографическое описание**»?!

Как будто вся работа Ваша сводится лишь к «описанию»!

Допустим, что листажно элементы описания превалируют над обобщениями, но ведь расценивать эти последние приходится не по «листам» страницам или строчкам, но по ценности, значительности, широте научных выводов.

Но даже по количеству страниц, часть, посвящаемая обобщениям занимает более четверти всего объема рукописи и замалчивать эту венчающую часть труда в самом заглавии, в самом названии работы, нет ни повода, ни основания.

Отметить, указать наличность обобщающего элемента в Вашем далеко не только «описательном» труде лишь отвечает истине, хотя бы прибавлением к имеющемуся заглавию подзаголовка «в ответе филогении».

Таково мое вступительное замечание: не принижать в заглавии работы ее подлинной реальной широты и ценности.

Перехожу к суждению по существу.

Начну с оценки данного труда в аспекте Дарвинизма, его трех разделов: **доказательств, объяснения и генеалогической проблемы**, говоря иначе — фактов, факторов и направления эволюции.

Рассмотрим порознь значение разбираемой работы в свете каждого из этих трех аспектов.

I. Как подтверждение факта эволюции работа наименее интересна: в такой степени факт эволюции доказан для советского биолога.

II. Не то по поводу второй проблемы — факторов или причины эволюции, проблемы, как известно, более дискуссионной.

Лежа за пределами ближайших целей и заданий автора проблема эта им затрагивается лишь попутно, при оценке климатического фактора.

Так, говоря о возрастании размеров тела и рогов, приведших к гигантизму «большерогого оленя» (**Мегагалацерос**) или размерам лося Дальнего Востока, автор видимо склоняется к принципам Бергмана, (нигде не называя их!), всецело спуская роль эндокринных факторов столь вероятную для признаков вторично-полового типа, но, конечно, трудно уловимую в глазах Палеонтолога.

Как бы то ни было, но основная трудность и антиномия «роговой оленевой проблемы» — индивидуальная изменчивость, **лабильность** формы и строения рогов у современного оленя данного подвида или вида и необычайная **стабильность** рогового «типа», как систематического видового признака доселе остается неразгаданной. Но упрекать за это автора работы не приходится, поскольку тема эта **физиологическая** и решение ее мы предоставим физиологам, хотя и без особенного оптимизма.

III. Переходим к третьему слагаемому эволюционного учения: **генеалогической проблеме**, составляющей конечную задачу и венчающее достижение всей работы.

Не вводя в детали критики и обсуждения даваемых в ней «Родословных Древ», нельзя не оценить их главного достоинства: отказа от примитивизма Геккелевых схем и построение родословных линий с соблюдением «филетического целомудрия»: условного и обобщенного расположения «узлов» или «развилков», оставляющего должную свободу и большой простор для будущих поправок.

Не случайно автор выдает все предлагаемые им «филетические построения» за «Схемы Отношений» (Табл. 87), или «Истории Распространения» (Табл. 89-92), — Пример, достойный подражания и вни-мания всех запоздавших эпигонов иенского ученого.

Из сказанного далеко не следует, что «Родословная Оленей» вскрыта нашим автором со всей определенностью. Как в отношении исходного ветвления (семейств, родов и видов), так и по вопросу о взаимоотношении конечных веточек (подвидов) имеется не мало пунктов, вызывающих сомнения (так, в частности, в трактовке благородного оленя (Ц. Элафус) и Марала, признание второго наиболее «прогрессивным»). Но кому же неизвестно, что при «филетических» оценках многое зависит от «систематического такта», элемента, крайне субъективного словом или цифрой.

И потому неблагодарного для передачи.

Остается только пожелать, чтобы «культурные» новаторски-продуманные схемы «отношений» и «распространений», завершающие атлас замечательных таблиц, приложенных к работе К.К. **Флерова**, проникли бы скорее в наши сводки и учебники взамен архаики **Годри** и **Геккеля**.

И все же, как ни ценны филетические построения в рассматриваемом труде, их не минует общая судьба всех «родословных древ»: угроза устареть в течение немногих лет, — по счастью, ибо закрепление их в бесконечной форме означало бы конец научной мысли, смерть науки.

Но тем больше выдвигается значение и роль **фактического материала** и конкретных фактов, составляющих вечный и вещный инвентарь науки.

Но нетрудно видеть, что достоинство фактического материала обусловлено умелостью его подбора. Остановимся поэтому — хотя бы вкратце на **методе собирания и обработке** материала, эмпирической конкретной базы разбираемой работы, чтобы перейти затем к оценке самого фактического содержания работы.

Но начать да будет мне позволено издали, коснувшись несколько истории вопроса.

Я имею здесь ввиду классическую школу полевых натуралистов и сравнительных анатомов, заложенную в свое время несравненными трудами академика Петра Петровича **Сушкина**, — зоолога-анатома-зоогеографа, палеонтолога Москвы и Ленинграда.

Основной девиз всех сушкинских работ: минучиозность фактов, широта идеи, путь к большим итогам через тропы скрупулезнейших деталей.

Разработанный, окрепший на основе орнитологических работ — этом исконном «оселке» для изощрения ума и глаза систематиков-натуралистов, этот «Метод **Сушкина**» был применен им несколько позднее к палеонтологии и с тем же замечательным успехом.

Применить эту методику, и этот «стиль» работы к изучению Млекопитающих и в частности одной из самых сложных многоликих групп — **Оленевых**, внести в их изучение ряд новых самобытных установок — выпало на долю одного из самых даровитых преданных учеников Петра Петровича — сегодняшнего диссертанта, Константина Константиновича **Флерова**.

Самого беглого просмотра им представленной работы, этого фундаментального труда достаточно, чтобы сказать: **плод колоссального труда и творческого дарования!**

Зоолог-систематик, полевой натуралист, фаунист, анатом и палеонтолог изложил свой беспримерный личный опыт на страницах своего труда, сведя в единое и гармоническое целое работу мысли, глаза, штангенциркуля, бинокля, штучера и — как мы увидим ниже — замечательные дарования художника-анималиста.

Перелистываем рукопись-прообраз будущей фундаментальной книги: то — страницы сжатых лаконичных описаний-диагнозов, закрепляющих многие тысячи тончайших измерений, то — живые описанные у самой природы сцены жизни, поведения животных под открытым небом. Там — Вы словно видите себя под сводами музеев **Ленинграда** и **Москвы**, здесь — под небесным сводом Крыма и Кавказа, Заполярья и Таджикистана, Южного Урала и Туркменистана, Закавказья, Дальнего Востока, Бухары, Армении, Афганистана...

При таком диапазоне опыта и личных наблюдений, при таком владении предметом, критика такого автора кажется особенно ответственной.

И потому, не претендуя на детальную проверку очерков и описаний, приводимых автором, я ограничусь рядом общих замечаний, относимых больше к оформительной, редакционной стороне труда, его структуры или внутренней архитектоники, и в меньшей степени его фактического содержания.

Начну с последнего. Что разные подгруппы разработаны с неодинаковой подробностью, что многие тропические формы лишь едва затронуты — вполне понятно и оправдано: исследовать, описывать монографически Замбаров или Аксисов, аборигенов Индии — ученому Москвы и Ленинграда, — столь же рационально, как описывать детально нашего Марала — в Сингапуре и Калькутте.

Но тем менее оправдано, что упомянутым двум формам, именно **Изюбрю** и **Маралу**, нашим двум ценнейшим (в отношении промышленном) оленям автор уделил так мало места и внимания: об Изюбре, как отдельной расе забайкальского оленя вообще не упомянуто, а о Маралеме находим всего десять строк (Стр. 311).

Нам скажут, что различие между Изюбром и Маралом слишком незначительны, чтобы рассматривать их порознь и что об общем облике строения и повадках нашего сибирского Марала можно многое узнать в суммарном общем очерке «**Вида**» Оленя благородного.

Мы отвечаем: Как бы ни были малы отличия Марала и Изюбря, — это не мешало бы продискутировать эти черты отличия, особенно если учесть, что в ряде существующих изданий и определителей обеим формам издавна отводятся особые научные названия и диагнозы, и что в **Дарвиновском Музее** мастерством известного художника (известного и диссертанту!) каждой из обеих рас посвящена особая картина.

Еще большего сомнения вызывает метод замещения монографического описания некоторых **видов** — сводным очерком целого **Рода**, и подрода, как это имеем место в разбираемой работе.

Так характеристике **Рода** Косуль отведено до сорока страниц (стр. 143-178), **Семейства** «Цервида» столько же (63-106), **Роду** Оленя благородного — до двадцати страниц (260-280). Но и тут, и там, и здесь за счет монографического описания конкретных подвидов и рас.

Легко понять причины, побудившие нашего автора предпосылать суммарно-обобщающие очерки упоминанию конкретных подвидов и рас: боязнь повторения этих последних описаний и удобство оперирования при изложении геологической истории или миграций тех или иных оленей. (Легче и нагляднее «перегонять» воображение из Сев. Америки в Европу и обратно, из центральной Азии в Европу (как это показано на картах (карта 86) **Рода** лосей и сев. Оленей, а не порознь, отдельные их расы или подвиды.

Но прозрачность текста этим все же понижается: желающий детально ознакомиться с повадками нашим **сибирским** подвидом Косули вынужден довольствоваться меньше, чем двумя страничками (182-183), поскольку биология ее растворена в обширном но суммарном очерке косули **вообще**.

А между тем, при близком аутопическом знакомстве автора работы именно с **сибирскими** косулями какой прекрасный очерк подлинно монографический именно этой формы выпал совершенно.

Равным образом приходится глубоко пожалеть, что при столь близком изучении на месте биологии **Изюбря** в Забайкалье автор нас не одарил таким же мастерским блестящим очерком, как в случае Бухарского «Хангула» (стр. 290-300).

Говоря иначе: Каковы бы ни были причины, побудившие нашего автора давать суммарно- обобщающие очерки строения и повадок сборных групп (Семейств, родов и видов), — заменить монографические очерки конкретных **подвидов** и **рас** такие сводки все таки не могут в силу неизбежной отвлеченности их содержания.

Уместно вспомнить, как аналогичная попытка «алтер-эго» **Дарвина**, Альфреда **Уоллеса** в его классическом «Географическом Распространения Животных», именно метод оперировать с «родами», а не «видами» животных встретила суровую и справедливо-отрицательную критику нашего общего покойного учителя М.А. **Мензбира** именно из за подмены замещения **конкретных** коллективов «**Видов**» — отвлеченным, нереальным обобщающим понятием зоологического **Рода**.

Лично мы, конечно, предпочли бы более обычную манеру описания: полагание в основу тщательного и монографического описания конкретного избранного **Вида** (правильнее говоря **под-вида** или **Расы**) наиболее известного, личного исследованного автором, и указания при приведении других подвидов или рас, в чем их отличия от первого или от первой.

Невольно возникает мысль, что располагая материалом указанным путем, т.е. широко пользуясь суммарно-обобщающими сводками взамен конкретных очерков по биологии отдельных подвидов и рас, наш автор руководствовался более **логическими** доводами, чем реальной пользой этих описаний.

Эта же чрезмерная уступка требованиям **формальной** логики сказалась и на составлении «определятельных таблиц».

Как освященные традицией таблицы эти полагаются для всех подобных монографий, хотя польза их во многих случаях преувеличена: Известно, что имея дело с трудно расшифруемым объектом (будь то шкура зверя, череп и тем более его обломок) даже опытный специалист предпочитает обратиться к вещному сравнению с музейным материалом, а не к отвлеченным книжным диагнозам.

Но и соглашаясь, что для ряда случаев такие диагнозы, выражаемые в цифрах, могут быть незаменимы для определения особо «трудных признаков и групп» — уместно сомневаться в целесообразности включения в таблицу для определения «внешних признаков» диагностические **внешние** особенности форм общеизвестных.

Хорошо оправданные для скелетных признаков — при том в любой минучиозности, полезной для определения обломка кости вымершего или современного животного — ключи-определители, там, где касаются они наружных признаков и внешних обликов животных групп **надвидового** ранга, могут быть вполне опущены в **научных** монографиях и сводках, ибо что сказать о том зоологе, который, стоя перед лосем, или оперируя с лосиной шкурой, вынужден для выяснения того, что перед ним косуля, или лось, штудировать «таблицу для определения».

Перед нами заключительный этап в разборе и оценки обсуждаемой работы: рассмотрение ее со стороны редакционно-оформительной.

Здесь, кроме сказанного выше относительно несоразмерности в трактовке разных форм (Палеарктических) и поглощении сводно-обобщающими очерками подлинно монографических, конкретных описаний подвидов и рас, обращают на себя внимания **два** момента:

Выделение под особой рубрикой так называемых «адаптивных» признаков и «специализированных» черт строения. Проведенная неравномерно (вовсе не имеется при описании Кабарги) означенная рубрика охватывает тексты, очень разнородно: то содержательные очерки происхождения данной группы, то экскурсы в биологию, увязанные с признаками «адаптивного» порядка.

Но не говоря о некоторой искусственности выбора этих последних (трудности разграничения свойств «морфологических», «экологически-нейтральных» от «приспособительных») желательно увидеть эту часть работы более **унифицированной** и по содержанию и по заглавию, различному в наличном изложении («Исторические Изменения и Специализация» — «Специализация и История», — «Систематическое положение и Специализация» — «Адаптивные признаки»).

На очереди рассмотрение последнего и завершающего пункта разбираемой работы, представляющий особый и в известном смысле уникальный интерес: мы разумеем часть **иллюстративную** — великолепный атлас перовых рисунков и таблиц, приложенных к работе и обязанных перу самого автора.

Можно без тени преувеличения сказать, что перед нами нечто абсолютно уникальное не только в русской но и мировой литературе Палеонтологии: объединение в одном лице ученого-палеонтолога и выдающегося мастера-художника-анималиста.

И действительно. Если среди зоологов-фаунистов-систематиков встречалось и встречается это редчайшее объединение талантов (Здесь достаточно напомнить Саттон-Томпсона в Америке, **Миллеса** в Англии и **Клейншмидта** в Германии, или у нас былых питомцев **Дарвиновского Музея**, Н.Н. **Кондакова** и профессора А.Н. **Формозова**...) то в царстве Палеонтологии — и в частности подцарстве позвоночных — мы не избалованы содружеством искусства и науки в даровании того же автора.

Достаточно напомнить «Абелевские реконструкции» (так назыв. «Лебевсбилдер») вопреки претенциозности их автора так поразительно бездарные...

При этом, говоря о даровании **Флерова**, как иллюстратора, отметить следует не столько редкое умение передавать фактуру материала (кости, шерсти, волоса и рога) и не «абсолютный глаз» — гарантию точнейшей передачи форм и линий — но умение вживаться в непередаваемые словом или фотокамерой детали облика животных, то неуловимое для рядового глаза «нечто», что на языке научном, именуется как «Хабитус» именно данной расы, данной особи.

Но именно для этой цели иллюстрации, рисунки **целостных** животных, сделанные автором для данной книги, вызывают самые серьезные сомнения, не по достоинству их выполнения (оно непревзойденное...) но по манере композиции, трактовки и подачи потребителю **научной** монографии.

И в самом деле для чего последнему, зоологу-палеонтологу, показывать изображения обыкновеннейших животных, будь то лось, косуля или Северный олень во всем разнообразии их поз или движений, то пасущимися, то пугливо озирающимся, то несущимися во всю прыть.